

ОБ ОДНОЙ ИЗ САМЫХ ЧАСТЫХ ЕДИНИЦ РУССКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ: *БЛИН* С ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ¹

Богданова-Бегларян Н. В. (nvbogdanova_2005@mail.ru)

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия

Ключевые слова: русская спонтанная речь, функциональные единицы речи, Звуковой корпус русского языка, клитическое употребление

ONE OF THE MOST FREQUENT ITEMS IN RUSSIAN SPONTANEOUS SPEECH: *БЛИН* FROM LINGUISTIC AND SOCIOLINGUISTIC POINTS OF VIEW

Bogdanova-Beglarian N. V. (nvbogdanova_2005@mail.ru)

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

The paper is dedicated to some peculiar functions of one of the most frequent items in Russian spontaneous speech, “блин”, which formally being a word, is in fact more of a functional item). Using a Russian speech corpus (‘One Speech Day’ sub-corpus) we explored the historical change of the item; from an interjectionally used euphemism for an extremely rude slang word meaning ‘whore’—through an acceptable colloquialism—to an almost meaningless clitic. So the evolution of this word begins at the point of being absolutely unacceptable in everyday speech, continues through being common and existing in any kind of neutral speaking, and ends as an ornamental word that probably lost the connection with its first meaning completely. The final item does not have any meaning, lacks grammar categories, is not marked by intonation and has almost no emotional connotation. Normally such words are mostly used by men; but in this particular case gender does not play any role.

Key words: Russian spontaneous speech, functional speech items, Russian speech corpus, clitic

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 13-04-12022 «Информационная словарная система „Язык мегаполиса“».

Поворот лингвистического интереса от письменной речи, надежно зафиксированной в словарях и грамматиках, подчиненной узаконенным кодификацией правилам, — к речи устной, крайне нестабильной и часто далекой от устойчивых представлений о нормативном и правильном, буквально ускользающей от исследователя (и потому усиливающей желание «поймать», зафиксировать и всмотреться), не только позволяет увидеть эволюцию языка фактически в ее реальном протекании, но и ставит перед лингвистами много новых вопросов и практического, и теоретического свойства. Уже не раз писали и говорили о специфике *речевой грамматики* и *речевого лексикона*, обсуждается вопрос о пересмотре старого или даже создании нового терминологического аппарата (*метаязыка*) для анализа речевых явлений, актуальной стала задача лексикографического описания всех разновидностей функциональных единиц устной речи — как речевых, так и условно-речевых, частотность которых в реальной речевой практике вынуждает сделать их главным объектом лингвистических описаний. Ср. одно из авторитетных мнений на этот счет: «В свете корпусной идеологии совершенно по-новому предстают приоритеты лингвистической теории. Теоретическая лингвистика последних десятилетий затратила огромные усилия на анализ сложных синтаксических явлений. Однако с точки зрения корпусного подхода эта работа не всегда полезна, поскольку многие такие явления в речевой реальности не обнаруживаются или обнаруживаются крайне редко. В то же время исключительно частотные явления устной речи, такие как хезитации, речевые сбои, регуляторные дискурсивные маркеры, парцелляции и т. д., практически не замечены лингвистической теорией» (*Рассказы о сновидениях* 2009: 27). Вслед за А. А. Кибриком и В. И. Подлеской, авторами этой пространной цитаты, свою задачу мы видим в том, чтобы «исправить этот крен и расширить эмпирическую базу лингвистического анализа» (*там же*).

Так, отдельного лингвистического внимания и детального анализа заслуживает, как представляется, буквально каждое из *слов-паразитов*, коммуникативные функции которых в речи не всегда поддаются однозначной трактовке («значимое» и «незначимое», «паразитическое», употребление прагматических маркеров «не всегда легко разграничить» — *Сиротинина* 1974: 71; см. также: *Шмелев* 2005: 519), каждый из *вербальных хезитативов* — во всем многообразии выполняемых им функций, и даже каждая выделенная коммуникативная функция той или иной дискурсивной единицы — во всем многообразии способов ее речевого воплощения (см., например: *Богданова-Бегларян* 2013).

В настоящем исследовании объектом такого пристального внимания стало «слово» *блин*, прошедшее за короткое время и буквально на наших глазах путь от бранного слова (детского ругательства), эвфемистического заменителя грубой инвективы, до просторечного, но уже привычного и очень распространенного междометия. Анализ материалов Звукового корпуса русского языка «Один речевой день» (ОРД) (см. о нем подробнее: *Звуковой корпус...* 2013, 2014) позволяет увидеть, что употребления данной единицы в нашей речи теряют уже и междометную природу (с передачей тех или иных эмоций), превращаясь в нечто орнаментально-клитическое, трудноопределимое не только в семантическом и грамматическом, но и в прагматическом аспекте.

Как бы ни относиться к явной экспансии этой единицы в нашей повседневной устной речи, ее функционирование однозначно заслуживает более пристального внимания, ср.: «от современной разговорной речи в ее нейтральном слое невозможно (со стилистической точки зрения) отсечь обширный репертуар нелитературных и околелитературных — сниженно-обиходных, просто-речно-профессиональных, жаргонных и полужаргонных средств» (Винокур 1988: 54).

Нельзя сбросить со счетов и того факта, что в верхушке частотного словника ОРД (из расшифровок объемом более 350 тыс. единиц; максимально естественная, повседневная, речь носителей русского языка, записанная, что называется, «с диктофоном на шее») «слово» *блин* опережает практически все знаменательные слова. Первый полноценный глагол в этом словнике — *знаю* (608 употреблений; 40-е место; 0,30% от всего массива употреблений корпуса)². При этом ни одного полноценного существительного в списке 150 самых частых единиц не обнаружилось вовсе. На 85-ом месте оказалось наше *блин* (305 употреблений; 0,15%), сопоставимы с ним по частоте *бл...дь* — 206 употреблений (116-ое место; 0,10%); *типа* — 199 (118,5 место; 0,10%); и *время* — 197 (121-ое место; 0,10%). Последние две единицы, как показывает анализ их контекстов, тоже по преимуществу употребляются не как имена существительные, а как различные дискурсивные слова (или компоненты дискурсивных единиц) (см. подробнее: *Звуковой корпус...* 2014).

«Слово» *блин* в рассматриваемом значении зафиксировано по преимуществу в различных словарях неформальной лексики, хотя и не только: см., например, «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (БТС 2009) или «Словарь современного русского города» (*Словарь современного русского города* 1993).

Большинство словарей определяют *блин* как единицу в знач. *межд., вводн. Жарг. эвфем.* со значением выражения любых эмоций: досады, раздражения, удивления, иногда — восхищения, одобрения или восторга. Отмечается, что это «каламбурное употребление нейтрального слова вместо сходного по звучанию БЛ...ДЬ» (*Химик* 2004: 48; см. также: *Словарь современного русского города* 1993: 34; *Елистратов* 2002).

В Словоборге (slovoborg.su) также находим определение *блина* как слова-паразита в функции междометия; здесь дается и его оценка пользователями Интернета: 21 — ЗА, 12 — ПРОТИВ. Из такого соотношения оценок видно, что носители языка в большей степени склонны принимать эту единицу в указанной функции, чем отвергать ее. Ср. характерный стишок с просторов Интернета:

² Высокая частота в ОРД отрицательной частицы не (2-ое место в частотном словнике; 4924 употребления; 2,4% от общего количества единиц) позволяет предположить, что значительное количество употреблений этого *знаю* — из конструкции (я) не *знаю*, которая, по нашим данным (см. *Звуковой корпус...* 2014), почти в половине своих контекстов (48,7%) выступает как вербальный гезитатив, опережая по частотности все другие свои функциональные разновидности.

*Это слово пришло из былин
И оно даже детям знакомо:
Говорим мы привычное «блин»
На работе, в дороге и дома.
Без него и беседа пуста,
Скажешь «блин» — всё наладится быстро.
Слово это у всех на устах:
И у дворника, и у министра.
На скамеечке — он и она,
Дышит нежностью каждое слово:
— Для меня ты, блин, Машка, одна...
— Ах, как, блин, я люблю тебя, Вова...*

Словарь молодежного сленга уточняет значение этого междометия: 'возглас выражения отрицательных эмоций, досады; ругательство' (teenslang.su), из чего видно, что возможность выражения этим словом положительных эмоций, предусмотренная рядом других словарей, здесь не поддерживается. То же видим и в электронном русско-английском справочнике по разговорной речи (englishtown.com/speaking-english), который дает соответствующие варианты перевода этого слова на английский разговорный: *блин!* (также: *черт! Черт поberi! Твою мать!*) — *lunchpin, Bugger! Pants!* — тоже исключительно в отрицательных, ругательных вариантах.

Именно такое — междометное (непреренно эмоциональное) — употребление «слова» *блин* можно видеть и в письменных текстах, передающих особенности разговорной речи персонажей, ср. примеры из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ):

- *Да, блин, дела, подумали Ваня и капитан Медведев* [В условиях реального времени (2002) // «Культура», 2002.03.25];
- — *Блин, как он меня достал, — со стоном проговорила Елена Николаевна* [А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)];
- *Это я? Во блин! — Это ты* [Л. Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996].

Орфография данных контекстов убеждает, что перед нами именно междометия, передающие те или иные эмоции говорящего.

Между тем, анализ материала ОРД (естественная устная повседневная речь самых разных носителей русского языка) показывает, что междометное употребление единицы *блин* не только не единственный, но и далеко не самый распространенный вариант ее функционирования — на его долю приходится не более 34,5% всех подобных словоупотреблений. Существенно чаще (65,5%) *блин* используется в нашей устной речи как своеобразная клитика: без лишней эмоциональной окраски, без всякого интонационного выделения, свойственного

междометиям, и зачастую без какой бы то ни было эвфемизации³. В подавляющем большинстве случаев (76,4%) эта единица занимает в высказывании позицию *энклитики* (постпозицию по отношению к знаменательному слову, некоторое предпаузальное усиление синтагматического членения), ср.:

- (1) *кого это мне напоминает блин / я не знаю* (И1_ж33#К1_м?)⁴;
- (2) *не / просто уже так привыкли блин* (И8_ж16#К2_м20);
- (3) *я раньше жила рядом () совсем рядом / с этим районом // *П я как узнала / что там () будет строиться / *П меня это ещё подстегнуло / чтоб уехал блин* (И9_ж27#К2_ж35);
- (4) *нет / просто / *П мне очень интересно / *П кто () ху из ху / какого происхождения потому что / *П какой-нибудь там не знаю немец / у него плохая погода блин / ну везде плохая погода* (И11_ж28#К1_м?);
- (5) *я вот вообще бл[...]д⁵ машину не хочу / вот серьёзно тебе говорю // после ... после той ... той аварии блин / я понял блин / что рано мне ещё на машине ездить* (И21_м27#К1_м?).

Из примеров видно, что *блин* появляется в речи и мужчин, и женщин, в том числе в их общении и с мужчинами, и с женщинами, преимущественно молодых людей (до 35 лет), часто эмоционально совсем не нагружен и прекрасно соседствует со своим нецензурным «прототипом» — см. контекст (6), — что плохо согласуется с представлением о его эвфемистической роли.

Существенно реже *блин* выступает в позиции *проклитики* (в препозиции по отношению к знаменательному слову, некоторое постпаузальное усиление синтагматического членения) (2,7%) или своеобразной «*интерклитики*» (в интерпозиции в синтагме, никак интонационно не выделено, акцентологически не прикреплено однозначно ни к предшествующему, ни к последующему слову) (20,9%):

---

³ Такое, во многом клитическое, употребление в разговорной речи нецензурной лексики не раз отмечалось исследователями, ср.: «в этой функции нецензурные слова произносятся вставочно, для „связки слов“, они не выделяются в потоке речи интонационно, не выделяются громкостью, фонетически примыкают к предыдущему или последующему слову, используются фактически безоценочно и в известной степени — орнаментально, для придания речи эмоциональности» (Стернин 1999: 182–183). Думается все же, что клитические употребления «слова» *блин* утрачивают в современной речи уже и всякий элемент эмоциональности.

⁴ Все примеры в данном разделе атрибутированы, с указанием номера информанта (И) и его коммуниканта (К), а также пола и возраста обоих. Данная реплика — из речи женщины 33 лет, обращенной к мужчине примерно такого же возраста (точных данных нет).

⁵ В отличие от обычных в спонтанной речи запинок или обрывов слов, обозначаемых с помощью многоточия, таким образом ([...]) оформляются в примерах нецензурные выражения, в которых сознательно опущены некоторые буквы.

- (6) ну вот // *П да // мне тоже было бы жалко если () тем более они приедут такие наглые / **блин** как вот эти айзеры (И9_ж27#К1_ж58#К2_ж35);
- (7) слушай / *П в городе / *П **блин** я ду... (э...э) / Кама\$ *Н вообще / *П супер полезно бл[...]дь // @ я по-любому блин (И36_м40#К1_м40);
- (8) я когда выходящей / я все **блин** делаю / все наготовлю (И10_м28#К1_ж?);
- (9) вот та самая / любовь любовь которая / *П кто-то там // *П типа **блин** там / чувства и так далее // *П там всё то же самое / понимаешь ? (И11_ж28#К1_м?);
- (10) выключу я наверно свой телефон на всякий случай // *П что-то **блин** беспокойно у меня на душе вообще (И21_м27#К1_м?);
- (11) на х[...]й в цвет стен ! *П белый / (...) # ну я с... сразу подумал / белый я говорю / ему с... его спрашиваю / белый **блин** красить ? (И36_м40#К2_м24).

Снова хорошо видно, что *блин* появляется в речи практически любых информантов, в любом коммуникативном акте, в числе говорящих появились уже люди 40 и 58 лет, часто *блин* в их речи оказывается в непосредственном соседстве со своим «прототипом» (7) и с другими непечатными выражениями (11), а также порой встраивается в достаточно протяженную hesitantную конструкцию, сближаясь по функции с вербальными hesitantами: см. примеры (1), (7). Даже поверхностный анализ лексики в приведенных иллюстрациях показывает, что сплошь и рядом *блин* для говорящих — вполне нейтральное слово.

Гендерной «привязки» этой единицы в исследованном материале практически не прослеживается, хотя в речи мужчин она все же несколько преобладает, ср. данные по ОРД: 57,8% употреблений «слова» *блин* в целом у мужчин против 42,2% в речи женщин, в том числе в его междометном употреблении: 59,5% (М) vs. 40,5% (Ж). Что касается возраста, то, как и можно было бы предположить, в большей мере это «слово» свойственно речи людей молодых и средних лет.

Любопытно, что в письменных текстах (основной подкорпус НКРЯ) таких примеров немеждометного употребления *блина* пока не зафиксировано (впрочем, самый поздний контекст такого рода — только 2002 г.), что лишний раз убеждает, что клитическое употребление единицы *блин* стало активным лишь в устной речи и лишь в самое последнее время. Письменная речь (художественные тексты) просто не поспела еще за развитием устного дискурса, ср.: «исходя из примата спонтанной диалогической речи в антропогенезе, можно утверждать, что в организации художественных текстов нет ничего, чего не было бы в спонтанной речи» (Мурзин, Штерн 1991: 161).

Закljučая этот небольшой анализ, хочется повторить достаточно очевидную вещь: живая устная речь богата и разнообразна, внимательное отношение к ее единицам и их поведению может смягчить привычный обывательский негативизм

в отношении многих чисто речевых явлений и увидеть за ними не только небрежность нашего говорения, не только пренебрежение к языку, но и языковую эволюцию. Действительно, мы привыкли уважать результаты языковых процессов, произошедших давно, а то, что происходит на наших глазах, предпочитаем, не задумываясь, считать ошибками и отклонениями от нормы, ср.: «Забавно только то, что акцентологические процессы, имевшие место много сотен лет тому назад, воспринимаются как предмет самой серьезной и уважаемой науки, тогда как происходящие у нас на глазах изменения места ударения — как грубые и вульгарные ошибки» (Николаева 2007: 466). Т. М. Николаева говорит здесь об ошибках ударения, но это вполне применимо и ко всем другим особенностям устной речи.

Думается, что словарная статья на «слово» *блин*, со всем разнообразием его значений и функций, реализующихся в повседневной устной коммуникации, должна занять свое место в соответствующем словаре русской устной повседневной (не только экспрессивной!) речи.

Литература

1. Богданова-Бегларян Н. В. Кто ищет — всегда ли найдет? (о поисковой функции вербальных хезитативов русской спонтанной речи) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Выпуск 12 (19). В двух томах. Том 1. Основная программа конференции / Гл. ред. В. П. Селегей. М., РГГУ, 2013. С. 125–136.
2. БТС — Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Под ред. С. А. Кузнецова. ГРАМОТА.РУ, 2009 // <http://www.slovari.gramota.ru>.
3. Винокур Т. Г. Устная речь и стилистические свойства высказывания // Разновидности городской устной речи. Сборник научных трудов / Ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. М., Наука, 1988. С. 44–84.
4. Елистратов В. С. Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.) [Электронный ресурс]. ГРАМОТА.РУ, 2002.
5. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., Филологический факультет СПбГУ, 2013. 532 с.
6. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., Филологический факультет СПбГУ, 2014 (в печати).
7. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск, Урал. ун-т, 1991. 171 с.
8. Николаева Т. М. Грубые ошибки или назойливая языковая тенденция? // Язык в движении. К 70-летию Л. П. Крысина / Отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. М., Языки славянской культуры, 2007. С. 466–470.
9. Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса / Ред. А. А. Кибрик, В. И. Подлесская. М., Языки славянских культур, 2009. 736 с.

10. *Сиротинина О. Б.* Современная разговорная речь, ее особенности. М., Просвещение, 1974. 143 с.
11. *Словарь современного русского города / Под ред. Б. И. Осипова.* М., Русские словари. АСТ Астрель. Транзиткнига, 1993. 565 с.
12. *Стернин И. А.* Некоторые жанровые особенности мужского коммуникативного поведения // *Жанры речи. 2. Сборник научных статей.* Саратов, Гос. учебно-научный центр «Колледж», 1999. С. 178–185.
13. *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., Норинт, 2004. 768 с.
14. *Шмелев А. Д.* «Показатели хезитации» в русской устной речи // *Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой / Отв. ред. В. Н. Топоров.* М., Языки славянских культур, 2005. С. 518–530.

References

1. *Bogdanova-Beglarian, N. V.* (2013) Those Who Search, Do They Always Find? (about Retrieval Function of Hesitatives in Russian Spontaneous Speech) [Kto ishchet — vseгда li najd'ot? (o poiskovoj funkcyi verbal'nyx xezitativov russkoj spontannoj rechi)] *Komp'uternaia Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii: Trudy Mezhdunarodnoj Konferentsii «Dialog 2013» (12/19) (Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialog 2013»).* Moskva, pp. 125–136.
2. *BTS* (2009) — Great Dictionary of the Russian Language / S. A. Kuznecov (ed.) [Electronic resource] [Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / Pod red. S. A. Kuznecova] [Elektronnyj resurs] // <http://www.slovari.gramota.ru>.
3. *Chimik, V. V.* (2004) Great Dictionary of Expressive Russian Speech [Bol'shoj slovar' russkoj razgovornoj ekspressivnoj rechi]. Sankt-Peterburg, 768 pp.
4. *Dreamrecitals.* Corpus-based Research of Russian Speech Discourse (2009) [Rasskazy o snovidenijax. Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa]. Moskva, 736 pp.
5. *Elistratov, V. S.* Russian Argo Dictionary (materials of 1980–1990) [Slovar' russkogo argo (materialy 1980–1990 gg.)] [Elektronnyj resurs] // <http://www.slovari.gramota.ru>.
6. *Murzin, L. N., Shtern, A. S.* (1991) Text and its Perception [Tekst i ego vospriyatie]. Sverdlovsk, 171 pp.
7. *Nikolaeva, T. M.* (2007) Gross Mistake or an Obnoxious Tendency? [Grubye oshibki ili nazojlivaja jazykovaja tendencya?] *Jazyk v dvizhenii. K 70-letiju L. P. Krysin (Language in its development. To Prof. L. Krysin 70th anniversary).* Moskva, pp. 466–470.
8. *Shmelev, A. D.* (2005) Features of Hesitation in Russian Speech [«Pokazateli xezitacyi» v russkoj ustnoj rechi] *Jazyk. Lichnost'. Tekst. Sbornik statej k 70-letiju T. M. Nikolaevoj (Language. Personality. Text. Collection of articles. To Prof. T. Nikolaeva 70th anniversary).* Moskva, pp. 518–530.

9. *Sirotnina, O. B.* (1974) Peculiar Features of Modern Spontaneous Speech [Sovremennaja razgovornaja rech', jeje osobennosti]. Moskva, 143 pp.
10. *Dictionary of Modern Russian City* (1993) [Slovar' sovremennogo russkogo goroda / Pod red. B. I. Osipova]. Moskva, 565 pp.
11. *Speech Corpus as a Base for Analysis. Collective Monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description* (2013) [Zvukovoj korpus kak material dl'a analiza russkoj rechi. Kollektivnaja monografija. Chast' 1. Chtenie. Pereskaz. Opisanie]. Sankt-Peterburg, 532 pp.
12. *Speech Corpus as a Base for Analysis. Collective Monograph. Part 2. Theory and Practice of Speech Analysis. Vol. 2. Speech Corpus as a Base for New Lexicographical Projects* (2014) [Zvukovoj korpus kak material dl'a analiza russkoj rechi. Kollektivnaja monografija. Chast' 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza. Tom 2. Zvukovoj korpus kak material dl'a novyx leksikograficheskix proektov]. Sankt-Peterburg (in print).
13. *Sternin, I. A.* (1999) Some Special Genres in Male Communication [Nekotorye zhanrovye osobennosti muzhskogo kommunikativnogo povedenija] Zhanry rechi. 2. Sbornik nauchnyx statej (Speech genres. 2. Collection of articles). Saratov, pp. 178–185.
14. *Vinokur, T. G.* (1988) Speech and Stylistic Features of the Saying [Ustnaja rech' i stilisticheskie svojstva vyskazyvanija] Raznovidnosti gorodskoj ustnoj rechi. Sbornik nauchnyx trudov (Types of urban speech. Collection of research papers). Moskva, pp. 44–84.